

18+

**ВИКТОР
УЛИН
МЭЙЗЕР**

**ШКОЛЬНАЯ
ПОВЕСТЬ**

Виктор Улин

Мэйзер. Школьная повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69710710

ISBN 9785006058767

Аннотация

Повесть рисует несколько эпизодов из жизни школьных друзей. Они служат поворотными точками, после каждой из которых что-то меняется. Чувственная составляющая, столь важная в определенном возрасте, разных людей приводит к разным результатам. Общими являются их судьбы – веселые в начале, грустные в конце, лишенные будущего, как и у всех в современной России. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

I	6
1	6
2	11
3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Мэйзер

Школьная повесть

Виктор Улин

Моему другу М.З.

Фотограф Виктор Улин

Благодарности:

Виктор Улин

© Виктор Улин, 2023

© Виктор Улин, фотографии, 2023

ISBN 978-5-0060-5876-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«Человек подобен дуновению;
дни его – как уклоняющаяся тень».*

(Пс. 143:4)

Перелистывая страницы своего отрочества, я иногда пытаюсь провести параллели с литературными героями –

например, с Джимом Хокинсом из Стивенсоновского «**Острова сокровищ**».

Мальчишка тоже был энергичным.

Но он жил в пуританской Англии восемнадцатого века, когда подростков привлекали химеры: морские бандиты, черные метки и несуществующие острова с сундуками золота.

Я вырос в безнравственной России начала третьего тысячелетия.

Мои внутренние устремления были куда более реальны.

Однако некоторые эпизоды жизни тоже могут оказаться в чем-то поучительными.

I

1

– Это вам не какая-нибудь «Гранта-Сранта», – сказал узкоглазый, как китаец, Артем. – И эмблема – не уёбищная лохань под парусом, а трезубец!

– Трезубец у тебя в жопе, – возразил Дима, имеющий непечатное прозвище. – А там – корона.

– А вообще, чуваки... – мечтательно протянул кривоногий Леша. – Имей я такой «мэйзер» – все девчонки были бы мои. Встали бы в очередь на раздачу.

– Видел, сколько у него глушителей? – добавил нервный Боря, про которого говорили, что он спит в коридоре.

– А сколько кнопок на руле? – подхватил придурак Валера.

– Какого черта болтать, – поморщился интеллигентный Илья. – Вы у этого «мэйзера» даже до короны дотронуться не решитесь.

– А если дотронетесь, – вставил Глеб, носящий лаконичную кличку «Глебало». – Вас самих пересчитают так, что останетесь без пипирок.

Он должен был учиться в десятом, но – тупой, как каблук – просидел год в классе выравнивания.

– Точно, – согласился золотушный Андрей. – Мужики, давайте о бабах!

– Гет гётовы е! – воскликнул азербайджанец Зейнур, самый красивый парень школы. – Настоящий мужчина не пиздит о женщинах, а...

– Да ну тебя, – перебил Валера. – Кому как, а нам и попиздеть в радость.

От большой перемены оставалось еще достаточно.

Пол подрагивал: внизу бесновалась малышня. Там радовались, что закончились зимние каникулы и можно снова безобразничать всем вместе.

Мы, девятиклассники, набились в туалет, заговорили сначала о машинах, потом соскользнули на любимую тему.

Мы не были больными или озабоченными – как раз наоборот, в нас кипело здоровье.

И потому в приоритетах стояло главное из жизненных удовольствий – тем более острое, что запретное.

А всяческие пираты и космонавты нас не интересовали.

И, уж точно, мы не играли в тимуровцев.

– Ну, так вот, – заговорил Леша. – Лучше нету, чем...

– Самый кайф, – перебил плюгавый Игорь. – Это когда ты только начинаешь. А потом...

Он высунул руку в окно и обтряс столбик пепла с сигареты.

Я молчал, не вступая в разговор.

– Ерунда, – Валера махнул рукой. – За люляки взять по-

туже – и нажаривай.

– Нет, мужики, скажу я вам, – вступил тощий Коля. – Самый класс – это анал.

– Какой по «Кристаллу»? – спросил Дима.

– Не канал, а анал.

– Фигня, – сказал хитроватый Антон. – Главное – возбудить клитор. И вот когда...

– Антоша-гондоша, не пизди, пока не лопнул, – наконец заговорил Макс, мой лучший друг и сосед по парте. – «Клитор»... ЧМО безъяйное. И вообще все вы...

Он обвел компанию рукой.

– ...Уёбные пидарасы, которые понятия не имеете о настоящей пизде!

Лексикон у нас девятиклассников был таким, что от стыда за «будущее России» розовели потолки.

Впрочем, я учился в отстойной школе.

В нашем микрорайоне она была единственной, а ездить в какую-нибудь приличную у меня не имелось возможности.

– Но я... – проблеял Андрей.

– Фонарик от бую... «За люляки взял». За свои себя возьми.

– Но... – ввязался Илья.

– Крюгер идет! – гаркнул Макс, выглянув в окно. – Счас вас всех отхуесосит.

Служитель, выполнявший функции вахтера, ночного сторожа и вышибалы с дискотек, жестко пресекал курение в туа-

летах.

Кисть его правой руки имела мясной цвет – то ли после какой-то войны, то ли от ожога, оттуда и возникла кличка.

На нас упало молчание.

Вонючая тишина нарушалась звуками группы «*Mad Pricks*», несущимися из наушников *iPod*а.

Отец подарил мне девайс на минувший день рождения.

Он был куплен в крутом магазине и стоил, как комплект новой летней резины для десятой модели «*жигулей*». Мне завидовали.

– Я пошутил, – усмехнулся Макс после паузы. – Крюгер свалил за пивом.

– Так ты...

– Заткнитесь, дегроды!

На нас смотрели наскальные рисунки, один другого выразительней.

Лаконизм был убог: груди имели форму кругов с точками-сосками, а наиболее интересные места представлялись заштрихованными треугольниками – но бил в глаз.

Росписи возникали сами по себе, хотя стены туалета непрерывно скребли, белили и красили заново.

Макс длинно сплюнул.

– Слушать вас, уши вянут. А кто из вас видел в натуре голую женщину?

Все молчали.

– Поднимите руку!

И хотя вранье не могло подтвердиться, никто не шевельнулся.

Моего друга опасались больше, чем Крюгера.

Тот лишь грозился, а этот бил, причем с хорошими синяками.

Валера, стоявший ближе всех, даже отодвинулся – боком, как попугай.

– Все вы пидарасы, – удовлетворенно подытожил Макс. – Встаньте в круг и сосите друг у друга.

– Но... – заговорил не в меру воспитанный Илья.

– Вам сто лет драть перед монитором. А я уже ебался и знаю, что это такое.

Пустота, повисшая после этих слов, казалась гробовой.

– И если еще раз услышу пиздеж о том, в чем нипизды не понимаете...

Вдалеке затрещала звонок.

Макс вышел первым.

За ним последовал я.

Потом остальные потащились на урок по культуре родного края, где предстояло пересчитывать не кнопки на руле «мэйзера», а цветки курая на гербе.

2

– Надоели болтуны дешевые, – сказал Макс, когда мы стояли на крыльце, не в силах расстаться после уроков.

Когда в начале зимы улегся снег, школьный двор с дорожками, протоптанными серо-желтой слякотью, напоминал сливочное мороженое, кое-где посыпанное ванильной крошкой.

Сейчас тут было ледовое побоище.

Друг поддал ногой пачку из-под сигарет.

Я машинально проследил за ее полетом.

Смятая картонка пролетела метра три: удар Макса был замечателен – и упала возле замерзшей снежной бабы, которую младшие классы лепили в ноябре

Школьная дворничиха по прозвищу «*миссис Симпсон*» до сих пор не вышла из каникульного запоя.

По сравнению с нашим двором туалет рынка «*Юрматы*» показался бы операционной в центре микрохирургии глаза.

Пестрели обертки от шоколадок, смятые бутылки из-под воды. Яркими пятнами красовались коробочки от презервативов; тут же валялись и они сами. Три штуки были наполнены и завязаны. Один лопнул, под ним протаяла черная дырка.

Вряд ли это оставили любители секса на холоде.

Скорее всего, изделия отработал Крюгер, пригласив но-

чью проститутку, а потом демонстративно разбросал результаты.

– Правильно вломил гондурасам, – согласился я, переключив плеер на следующий альбом. – Другого бы не послушали, при тебе заткнутся.

Макс был крепким и плечистым – почти как настоящий мужчина – на целую голову возвышался над всеми, включая меня.

В этом году он начал бриться, о чем никто из нас еще не помышлял.

Мощной фигурой друг напоминал профессионального футболиста, хотя в футбол не играл.

Он не занимался спортом, не интересовался ничем, кроме компьютеров.

– Влад, ты не понял, – Макс повернулся ко мне. – Я в самом деле имел интимное дело с девушкой.

Наедине наш лексикон становился почти нормальным.

Да и вообще вдвоем мы делали другими, нежели на публике.

Я даже вынимал наушники *iPod*-а, чтобы музыка не мешала разговаривать.

– Всего один раз.

Он спиннул с крыльца что-то еще.

– Но поёбся.

– Врешь, – вырвалось у меня.

Секс – никому в реальности не известный – считался свя-

тым делом.

А шутки со святыми вещами не приветствовались.

– Не вру.

Слова прозвучали так, что я поверил.

Впрочем, насчет вранья я выпалил чисто для порядка. Друг никогда мне не врал, ни по мелочи, ни в крупном.

Я покачал головой.

Познание женщины поднимало на высоту большую, чем если бы у него возник желтый «*Феррари*» или красный «*Мустанг*».

– Не вру, – повторил Макс со странным вздохом.

– А когда?

Я готов был отрубить любую из рук, чтобы узнать подробности.

– Недавно, – друг криво усмехнулся. – Могу дату сказать. Двадцать пятого декабря.

– Двадцать пятого? – я задыхался от нетерпения. – Так тогда же... была дискотека. Новогодняя, общешкольная.

– Да. Была, – подтвердил Макс.

– И...

Я замялся.

Правильная фраза нашлась не сразу.

«*Ну и кого ты трахнул?*» годилось лишь для какого-нибудь Глеба или Димы.

«*С кем ты стал мужчиной*» или «*Кому отдал свою девственность*» напоминало дрянной американский фильм про

подростков.

«Кто стала твоей избранницей» тоже было киношной пошлостью.

И я спросил просто:

– И кто – она?

– Дай слово, что никому не скажешь.

– Никому не скажу.

– Поклянись.

– А не буду клястись, – я отмахнулся. – Можешь не говорить. Сам угадаю.

– Угадай, – Макс хмыкнул.

– А и угадаю.

Я уважал его настолько, что догадки начал строить от Эвереста:

– Титни Спирс!

Таким было прозвище самой сексуальной девочки школы – одиннадцатиклассницы Радмилы Ивановой.

«Спирс» присоединилось по созвучию, «Титни» родилось от особенностей бюста. Что бы ни надевала Радмила, масса вываливалась наружу.

Не представляю, как переживали присутствие Ивановой учителя-мужчины. Время от времени ей делали замечание, тогда Титни заталкивала свое богатство поглубже, но этого хватало на пять минут.

Какие у нее были ноги, задница и глаза, никто не знал – точнее, не смотрел: все затмевала грудь.

Радмила жила словно за стеклянной стеной; никаких пошлостей про нее не говорил даже Игорь, негодяй и редкостный враль.

От первой догадки друг даже не отмахнулся.

За Титни приезжал кент на двухдверном фиолетовом «Мазерати», единственном в нашем городе – по ухваткам не старший брат.

Макс обладал тем, что взрослые именуют «харизмой», а умным вечно хмурым лицом напоминал актера Лино Вентуру.

Но при всем том он оставался одним из нас – нищим подростком, живущем с такими же нищими родителями в помоечном микрорайоне.

Шансов с этой девчонкой у него не было.

Дальше я принялся перебирать серьезно.

Я поименовал более-менее выдающихся однокашниц: грудастых, задастых, ногастых, пухлых и тонких.

Исчерпав основной фонд, я перечислил оставшихся, вспомнил даже Юлю Маркешко с такой недоразвитой грудью, что на физкультуру она могла бы ходить в одних трусиках.

Затем я перешел на педагогинь.

Я перебрал учительниц: от молодой географички до старой директрисы, высохшей наподобие стручка акации.

На каждое имя Макс отрицательно мотал головой.

Тогда я спустился до теток из технического персонала.

Первой в списке шла завстоловой – маленькая женщина с огромной грудью. Ее все звали «Поша». Не зная имени, мы полагали, что кличка происходит от слова «пончик», который она напоминает.

Дойдя до миссис Симпсон, я поднял руки.

– Она не из наших, – сообщил Макс, насладившись моим бессилием.

– Ну, так о чем говорить? – я возмутился, хотя сам предложил играть в гадалку.

– Вообще не из школы.

– Ладно, Макс, – я тяжело вздохнул. – Чтоб случился «день Сурка» и я навсегда завяз в этой проклятой школе, если разболтаю.

– Это была Ларка, – сказал он, не глядя на меня.

– Ларка?!..

Мне показалось, что крыльцо качнулось.

Лариса была старшей сестрой Макса.

Она училась в нашей школе, и когда-то водила его сюда – правда, я этого не помнил.

Сейчас Ларисе было за двадцать, она оставалась в семье, но вела самостоятельную жизнь.

Денег у родителей не водилось, поэтому Лариса в институт не пошла, работала продавщицей магазине одежды и, кажется, училась где-то на заочном.

Впрочем, все это я знал со слов Макса, поскольку его сестрой не интересовался, в последний раз видел ее на их по-

следнем звонке, куда согнали поздравлять всю школу от первого класса до десятого.

Встретив Ларису на улице, я бы ее не узнал.

Никакого интереса к ней я не испытывал.

Но известие шокировало.

Мы могли обсуждать всех: от неприступной Титни до дворничихи с английским прозвищем – однако сестра выходила за рамки.

– Зарулим в кафешку, расскажу, – коротко ответил друг.

Кафе «Карлсон» изначально считалось детским, но сейчас тут продавали все, что можно и чего нельзя.

Мы не стали брать пива, хотя верзиле Максу налили бы даже водки.

Взяв по «Кока-коле» – мерзкой и отдающей растворителем – мы уселись в угол, чтобы никто не приблизился сзади.

Макс рывком скрутил красную крышку, липкое пойло хлынуло ему на штаны.

Музыка гремела громко. Напор, с каким друг упомянул падших женщин, остался не услышанным.

Я открыл свой баллон аккуратнее.

Отхлебнув, я подождал, пока из носа выйдут пузыри, и продолжил оборванный разговор:

– Но ведь это кровосмешительство. Уголовно наказуемо.

Друг помолчал, глядя на свои брюки, которые в доли секунды из почти свежих превратились в грязные.

– Всего и было-то один раз, – ответил он. – После той трижды ёбаной дискотеки. Ты ее помнишь? Наобжимался так, что готов был трахнуть пустую бутылку.

– Да уж... – я вздохнул.

Сильно распространяться о дискотеке я не стал.

Сам я чуть не сошел с ума.

До прошлого нового года нашим уделом оставались «ве-

черинки» – убогие посиделки с чаем и пирожными в своих кабинетах при салфеточных снежинках, наклеенных на окна и под надзором классных руководительниц.

А в последний новый год пустили на «*взрослое*» мероприятие.

Девчонки, которые толкали то грудью, то задницей, довели меня до безумного состояния.

Дискотека еще не закончилась, когда я побежал в туалет – тот, в котором болтали о женщинах.

Нажевав несколько полосок жвачки, я приклеил телефон к стене и открыл порнофото, где женщина занималась тем же самым – правда, не стоя над грязным унитазом, а лежа на чистом кожаном диване.

В подобной ситуации она почему-то нравилась особо.

– И вот прихожу я домой, – продолжал Макс. – Все как обычно, черепа в большой комнате, телевизор орет. Я к себе, включаю комп, надо срочно запустить порнуху.

Я кивнул.

Проблемы у всех были одинаковыми до боли.

– У меня хорошо. Закроюсь – и сам себе хозяин. Комп черепа купили, поняли, что без него никак. А наушники и джойстик – на них уже я сам заработал.

– Как?

– На опросных сайтах. У меня десяток разных аккаунтов. На одном я школьник, на другом – пенсионер, на третьем студент, на четвертом мать-одиночка, на пятом управляю-

щий банка, и так далее. Так нельзя, ясное дело, но я регился через тор.

– Через бублик?! – изумился я.

– Хуя мне бублик. «Тор» – приватный браузер, прячет айпишник. Могу хоть зоопорно смотреть, хоть рынок ору- жия...

В речи друга я понимал одно слово из десяти.

Сам я не мог назвать себя продвинутым пользователем.

Но Макс был компьютерным гением, даром что родился в семье огородников.

– ...Короче, сiju, думаю. Какое видео запустить: с голы- ми, или в чулках.

– А у тебя на компе запускается интернетское видео? – я удивился. – У меня не тянет.

– У меня тоже не тянуло, пока не апгрейдил видяху. Но размер маленький, с кошачью задницу. На фотках видно лучше, зато там двигаются.

Друг помолчал.

– Потом слышу, является Ларка. У них в магазине был корпоратив. Пришла поддатая. Дверью громко треснула, по- том шубу уронила.

Он отпил своей «Колы», задумчиво посмотрел через ста- кан.

– Мне-то похеру, не мешает. Но вдруг скребется ко мне. «Максим, хочешь сделаю тебе подарок на новый год?» Я от- вечаю – «а какой?» А она – «пойдем ко мне, увидишь.»

– И ты пошел?

– Пошел. Зашли к ней в комнату. Ларка заперла дверь. Сама в черном платье, сейчас все в таких, с одного рынка. Вишицем несет, как не знаю от кого. А потом – р-раз! – и стоит в одном лифчике! Представляешь?

– Ну, ясное дело, что в лифчике, – ответил я, не вникнув в суть происходящего. – А в чем еще?

По порнографическому опыту я знал, что современные женщины не носят под платьем ни комбинаций, ни прочей ерунды.

– Ты не понял, Влад, – пояснил Макс. – Я сказал – «в одном». На ней не было ничего, кроме лифчика.

– Как это? Она что – не носит трусов?

– Носит. Но, по ходу, на вечеринке потеряла.

Взрослый мир жил по иным законам, чем наш.

Я лишь спросил, пытаясь говорить спокойно – поскольку Максина сестра без трусов вдруг взволновала:

– Ну, а что дальше?

– Дальше...

Макс опять сделал передышку, заполненную «Колой».

– ...Дальше было больше. Стою ишак-ишаком и спрашиваю: «Ну и где твой подарок»? У меня в яйцах атомная бомба и вот-вот взорвется, порнуха ждет. А она говорит – «ты что, совсем дурак, не догоняешь»? Я говорю – нет. А Ларка – «лифчик мне растягни, тогда догонишь, идиот».

– И ты растягнул? – уточнил я.

– А ты как думаешь?

Я замялся, никогда не бывав в подобной ситуации.

Мама, конечно, носила лифчики, но я никогда не рассматривал, даже не знал, как они расстегиваются.

В порнофотках действие всегда проходило как-то смазано.

– Ты бы на моем месте ушел? или расстегнул?

– Не знаю, – честно ответил я.

– А я знаю.

Друг еще раз помолчал.

– Хотя, наверно, лучше бы не знал.

Я ничего не сказал, ждал продолжения.

– Короче, расстегнул. Ноготь, правда, сломал пиздовской застежкой. А она спрашивает – *«ну что, догнал наконец?»*

– И что ты?

– Да ничего. Только рот открыл, Ларка говорит – *«хочешь меня трахнуть?»*

– Она так сказала?!

Я задохнулся словами.

Когда Макс признался про интимное дело с сестрой, я подумал, что он изнасиловал ее от безысходной неудовлетворенности.

Но представить, что предложила она сама, я не мог.

– Ну да. И дальше – *«это за то, что я разбила твою камеру!»*

– Какую... камеру? – переспросил я.

– Обычную, – ответил он. – Ты что, никогда не подглядывал за старшей сестрой?

– Нет. У меня нет сестры. Ни старшей, ни младшей, никакой.

– Сочувствую.

Макс вздохнул.

– Это пиздец, как здорово. Смотреть, как раздевается, одевается. Как застегивает лифчик и как расстегивает. Как натягивает то чулки, то колготки. Как красит ногти на ногах, выщипывает волосы пинцетом. Как трахается...

– С кем? – глупо уточнил я.

– С ебарями. Когда у Ларки выходной, иногда приходят днем, пока черепа на работе. Если я в школу не ушел, она даже не выгоняет, просто запирается у себя.

Друг сделал паузу.

– Ты же помнишь нашу квартиру?

– Не помню, – ответил я. – Потому что никогда не бывал.

– Трехкомнатная, Ленпроект – для жарких стран Узбекистана, стены в кулак толщиной, окна без подоконников, батареи в два листа. Но не в этом дело. Планировка буквой «Гэ». Заходишь – налево тубзик, потом ванна, потом кухня два на три. А прямо коридор. Первая комната маленькая, это Ларкина. В тупике большая, там черепа. А справа моя – тоже маленькая, но узкая, как фургон.

– Примерно понял.

– В соседних просверлил бы стенку. А так через прихо-

жую, на разных сторонах. Взял беспроводную камеру, спря-
тал у нее на полке.

– И как, получилось... что-то увидеть?

– Еще как получилось. Одно дело дрочить на какую-то
тетку, а совсем другое – когда она в трех шагах.

Я попытался представить зрелище.

Этого не получалось.

– Камеру поставил, когда Ларки не было дома. Подобрал
угол. Потом изучил ее до последней точки.

– Изучил?

– Ну да. Сиськи, например, у нее дурацкие, растут дале-
ко друг от друга. В лифчике куда ни шло, а как снимет –
утекают в подмышки. И соски разные, один круглый, второй
длинный.

Кровь горячо забила в голове, я не слышал Максовых
слов.

– ...Но самое то, когда она дрочит пизду.

– А что, она?..

В горле пересохло, слова застряли.

– А ты как думал?

Он усмехнулся.

– Ларка тоже человек. Вечером перед сном иногда хочет
расслабиться.

У меня заложило уши.

Я вспомнил женщину, видом которой удовлетворялся
на той дискотеке.

Вероятно, она была в Ларисином возрасте.

– ...Я даже наловчился кончать одновременно с ней.

У Макса закончилась «Кока-кола», он без спроса взял мою бутылку, плеснул себе, выпил, потряс головой.

– Короче, кайфовал, как эмиратский бухарест. А потом накрылась коту масленица. Ларка вытирала пыль и нашла камеру. Выбросила в окно, меня чуть не убила.

– Да уж, – сказал я и кивнул в сочувствии.

– Хотя что плохого-то я сделал, что? Ну, подглядывал, ну рассматривал сиськи-письки, ну дрович – ну и что? Приставать к ней не собирался.

Мой кивок, вероятно, был таким же невнятным.

Я и до Максова рассказа знал, что некоторые парни подглядывают за старшими сестрами, а у кого нет – за матерями.

Мне это казалось не то, что диким, но неестественным.

В саду женщины ходили в купальниках или даже в трусах и лифчиках из разных наборов.

По периметру участка у нас росла черная смородина – густая и высокая, как забор. Я любил прятаться там и, наблюдая за полуголой соседкой, заниматься известным делом.

Мама имела прекрасную фигуру и большую грудь, на которую засматривались мужчины.

Но даже когда она переодевалась при мне и я видел черные волосы, отграничивающие низ живота, ко мне ничего не приходило.

Говоря культурным языком, я не ощущал нужного откли-

ка в нужной части тела.

Видимо, Макс был устроен иначе.

Но, с другой стороны, Лариса была ему не матерью, а сестрой.

Я сестры не имел и вряд ли мог судить друга.

– А вообще, – продолжал он. – Полной *«Ромео и Джульетты»* не случилось. Я не такой мудака, каким кажусь...

– Мудаком ты не кажешься, – вклинился я.

– ...Лучшие эпизоды я записывал. Так что не все пропало.

Но сам понимаешь...

– Понимаю.

– ...Видео – это одно. Остановил, перемотал – та же порнуха, только с Ларкой. А реальная камера в реальном времени – другое.

– Понимаю, – повторил я еще раз.

– Короче, камеру убошила, взамен предложила потрахаться.

– И ты согласился?

– А что бы ты сделал на моем месте? – вопросом ответил

Макс.

– Не знаю, – сказал я, начав повторяться. – Она же твоя сестра.

– Я ей то же сказал. А она – типа *«какая разница, мы детей делать не собираемся»*.

Я вздохнул в очередной раз.

– На самом деле Ларке пофиг. Она трахается с половиной

города. Одним меньше – одним больше, брат – не брат... Без разницы.

– А как... там?..

Несмотря на чудовищность рассказа, меня гнало любопытство.

Я понимал, что расспрашивать не следует, но остановить-ся не мог.

– ...В женщине?

– Тебе как?

Вздых друга был тяжелее, чем когда-нибудь.

– — Давай в целом, – сказал я, поняв, что Макс не хочет пересказывать эпизод.

– Короче....

Я молчал.

– ...Дрочить на кого угодно – ну, хоть на ту, у которой каждая грудь, как баскетбольный мяч...

– Джианну Микаэлс, – подсказал я, зная порноактрис лучше, чем героев всех российских войн.

– Ну да. Так вот, смотреть порнуху и трахать настоящую женщину – это все равно, что...

Макс сделал паузу.

– Все равно, что играть в самую крутую «*Need for Speed*» или ехать на настоящей машине. Даже на отцовом «*Запорожце*», на котором он возит говно из сада в погреб и обратно.

Сравнение показалось верным.

Наша «десятка» была не машиной, а конструктором «Сделай сам». Каждое воскресенье отец, сдавленно матерясь, что-нибудь в ней чинил.

Но когда он давал порулить, я забывал даже о сиськах Титни Спирс.

Долив остатки моей «Колы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.